DOI: 10.17117/na.2016.04.04.325

<http://ucom.ru/doc/na.2016.04.04.325.pdf>

Поступила (Received): 24.04.2016

Куликова И.М. Интерпретация евангельских мотивов в современной литературе Югры

Kulikova I.M.
Interpretation of the evangelical motives in Ugra modern literature

В статье рассматривается смена парадигм в интерпретации евангельских мотивов в прозе югорских писателей. В произведениях этнических художников слова акцентирование внимания на этнических архетипах, мифологемах, образах и мотивах фольклора сменяется на признание ценностей православия, их равнозначности традиционной культуре. Русские писатели делают акцент на возвращении в современную жизнь нравственных основ христианства, придавая зачастую ему новую степень мифологизации

Ключевые слова: двоеверие, православие, язычество, мифологизация, символика

The article discusses the paradigm shift in the interpretation of the evangelical motives in the prose writers of Ugra. In the works of artists of ethnic words before attention was paid to the ethnic archetypes, mythology, images and motifs of folklore. Now it is replaced by the values of Orthodoxy, the recognition of equivalence of their traditional culture. Russian writers have focused on the return to modern life the moral foundations of Christianity, giving it a new degree of mythologizing

Key words: dual faith, orthodoxy, paganism, mythologizing, symbolism

Куликова Ирина Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент
Сургутский государственный университет
г. Сургут, ул. Ленина, 1

Kulikova Irina Mikhaylovna

Candidate of Philology Sciences, Associate Professor
Surgut state university
Surgut, Lenin st., 1

Своеобразие этнической художественной литературы 60-х годов XX века во многом определялось ее обращенностью к этническим архетипам, мифологемам, стереотипам, к фольклорной поэтике. Несмотря на то, что авторское сознание преобразовывало эти мифологемы и архетипы, зачастую придавая им новую степень мифологизации, древние представления, образы и мотивы фольклора определяли оригинальный колорит таких текстов. В наибольшей степени «свежестью архаичного мировосприятия» отличаются, по мнению П. Домокоша, произведения угорских писателей [5, с. 94]. Использование художественного потенциала мифологии и фольклора, собственное мифотворчество, идеализация прошлого связывались ими с языческими представлениями и элементами первобытных верований. При этом без внимания оставались элементы христианской картины мира. Объясняется это сохраняющимися в глубинах народного сознания воспоминаниями о христианизации коренных народов. Большая часть преданий коми об «убегающей чуди», а также русские источники варьируют мотив отторжения христианских ценностей некоторыми финно-угорскими

племенами. И хотя со временем аккультурационные и ассимиляционные процессы привели к серьезным изменениям внутренней структуры культуры этих народов, их сознания и мировоззрения, где православие тесно переплетено с языческими представлениями, художники слова этническую самоидентификацию связывали преимущественно с политеизмом и анимизмом. Анализируя творчество мансийского прозаика Ю. Шесталова, Е. Чепкасов отмечает, что до 90-х годов писатель изображал преимущественно героев-язычников, не касаясь не только изображения христианских представлений, но и феномена двоеверия. Более того, писатель зафиксировал элементы противоборства христианства и коренных верований [1, с. 314]. Это замечание с полным основанием может быть отнесено к творчеству почти всех писателей и поэтов ханты и манси. Исключение представляет, пожалуй, только мансийский поэт А. Тарханов, подчеркивающий биполярность своего творчества. Общеизвестны его строки, приобретшие «знаковое» значение: «Христианин я и язычник, ... Две веры у меня в душе». Как подмечает Е. Каргаполов, в стихах А. Тарханова языческий, исконный пласт носит более скрытый, глубинный характер, а православное начало раскрывается ярче, приобретая всеобъемлющий смысл: «Православие как бы наслаивается на язычество. Языческое преодолевается православным» [6, с. 50]. Такое восприятие христианства в творчестве большинства современных региональных писателей начинает утверждаться только в последнее десятилетие. При этом отмечается стремление выявить общие аксиологические и мировоззренческие основы в двух системах.

Весьма интересен опыт хантыйского писателя Е. Айпина в интерпретации христианских ценностей. Уже название его романа «Божья Мать в кровавых снегах» отсылает к евангелиям. Икона Казанской Божьей Матери, висящая в остяцком чуме, спасает героиню – Мать Детей – от смерти и не утрачивает магической силы даже после того, как в нее попадает «красная пуля». Семантика символической сцены (Богоматьер приняла пулю революционного фанатика и тем спасла язычницу и ее сына, хотя икона для Матери Детей была сначала чем-то чужеродным, посторонним) заключается в утверждении возможности соединения «своего» и «чужого», установлении общего для всех духовного порядка. Образ Матери Детей вырастает в ходе повествования до символа Матери всех людей и приобретает черты Богородицы Марии. Героиня Айпина подобна лику Божьей Матери на иконе в золотой оправе, особенно в сцене кормления младенца. В картине будущего, представляемого Матерью, ей чудится собственная фигура, заколдованная и заговоренная от пуль и смерти, как Божья Мать. Само имя героини – Вера – также наполнено символическим смыслом. В многослойном образе Матери Детей Е. Айпин соединяет и этнический, и христианский, и общечеловеческий архетипы материнской силы и самопожертвования. Этому образу сопутствуют и мифологические, и реалистические реминисценции. В смысловое поле этого архетипа входят, например, образы «Матери Человеческой» В. Закруткина и повести «В гнездышке одиноком» Т. Молдановой. Мифологические ассоциации связаны, в частности, с сюжетом о сказочной птице Каре: героиня Е. Айпина идет на подвиг самопожертвования, когда ранит ножом свою грудь, чтобы спасти последнего оставшегося в живых сына: «Так в романе возникает образ... великой

остяцкой Мадонны, исполненной безграничной любви к Сыну» [3, с. 122]. Автор романа решает для себя и своего народа вопрос о вере: защитница небесная помогает всему человечеству, будь то язычник или православный, точно так же, как «боги и богини» остяков помогают любому человеку.

Роман пермского прозаика А. Иванова «Сердце Пармы», действие которого разворачивается в среде вогулов из Приуралья, по своей мировоззренческой концепции во многом сближается с книгами Е. Айпина и Ю. Шесталова. В связи с этим считаем возможным проведение анализа в сопоставлении с этим произведением, хотя формально А. Иванов не относится к югорским писателям. А. Иванов и Е. Айпин близки в художественном раскрытии темы слияния двух мировоззрений – православия и язычества. В романе А. Иванова этот вопрос рассмотрен на сопоставлении двух пар героев: с одной стороны – русского князя Михаила и Верховного шамана вогулов, с другой – православного епископа Ионы и вогульского вождя Асыки. Верховный шаман готов смириться с вторжением христианского бога в пармский мир, потому что есть нечто большее – «изначальный порядок вещей», который вбирает в себя все верования. Главное желание Ионы – истребить этот самый «изначальный порядок», который воплощен для него в священной для вогулов Прокудливой березе. С позицией епископа смыкаются взгляды Асыки, считающего, что «можно мириться с набегами врагов, но нельзя мириться с их богами». Князь Михаил и шаман вогулов смогли склонить народ к принятию новой религии, хотя итог этого для личной судьбы князя драматичен. Сцена его гибели символична: православный князь был убит под языческой Прокудливой березой, где когда-то жизнь соединила судьбы русича Михаила и вогулки Тиче. Идея взаимопроницаемости мира решается автором и на образе языческой Золотой Бабы, из-за которой в романе разворачиваются жестокие конфликты. «Не Баба это никакая, а Богородица. Потому её язычники прячут», – рассказывает о языческом сокровище епископ Филофей. Параллель Золотая Баба – Богородица проходит через роман как знак изначальной общности всех народов и верований и как трагический символ враждебности распавшихся осколков этой общности [4]. Михаил в своей возлюбленной Тиче, кормящей младенца, видит Богоматерь. Но, в отличие от романа Е. Айпина, христианский образ здесь сливается с языческим изображением. Князь видит не бесплотный, излучающий печаль образ, а языческую богоматерь – «нагую, отважную, сильную, как волчица, которая...кормит самого хищного волчонка в стае» (по легендам манси, Золотая Баба часто изображалась нагой и физически сильной).

Выход А. Иванова к религиозно-философскому осмыслению мира, сближает его с поисками мансийского прозаика Ю. Шесталова. В 90е годы писатель изучал различные философские и религиозные учения, под влиянием которых появляется «книга-амулет» («Космическое видение мира на грани тысячелетий»), в которой переработаны тексты 1990-2000-х годов и где концепция «космического сознания» звучит в полную силу. Своеобразное «учение» Ю. Шесталова строится на слиянии западных и восточных религиозно-философских систем и опирается на культурно-мировоззренческие традиции его народа. Наиболее ярко его концепция «космического сознания» проявлена в романе-

камлании «Откровение Крылатого Пастора». Активное обращение к христианству, восточным религиям, теософии Е. Блаватской приводит писателя к признанию «равновесности» религиозно-философских систем, идее «ипостасного родства» (Г. Ионин). Определение жанровой специфики книги (роман-камлание) связано с традициями шаманизма. Название романа отправляет к последней книге Нового Завета – «Откровению Иоанна Богослова» и одновременно связано с мансийским мифом о Крылатом Пасторе. Поток сознания камлающего героя синтезирует разные религиозные представления. Так, миф о сотворении мира в книге – результат наложения библейской и угорской мифологии (есть гагара, есть первые люди – Адам-Атя и Ева-Эви). Христианская история непорочного зачатия переплетена с зороастрийскими мифами (рождение Мирсуснэхума). Г. Ионин видит точки сближения между образами Крылатого Пастора и ветхозаветного Яхве, а Мирсуснэхума соотносит с Христом [2, с. 12]. В книге Ю. Шесталова образ сына Нуми-Торума по «ипостасности» не просто равнозначен образу евангельского Христа, он сливается с ним в неразделимую параллель. С образом Мирсуснэхума–Христа связаны и апокалиптические реминисценции, которые соседствуют с пересказом мифа об Эквапыгрисе. В отдельных моментах «мировой Хранитель» (Мирсуснэхум) сливается с Крылатым Пастором, Откровение которого призвано спасти людей. Но усиливая христианские реминисценции и христианское звучание образа Крылатого Пастора, Ю. Шесталов сохраняет и языческую обрисовку Мирсуснэхума, сохраняя в образе черты медведя. Важную роль играет и параллель Золотая Баба–Богородица. Этот персонаж выступает в роли посредника между светом и тьмой, как символ жизни и ее смысл. В образе Сорни-най–Богородицы реализуется общечеловеческий архетип Матери и Женщины, Возлюбленной: «Золотая Богиня, Богиня-Любовь, Богиня-Мать». В данном случае мы видим явные переклички с художественными концепциями А. Иванова и Е. Айпина. Апокалиптические мотивы, определяющие содержание книги, сознательно ориентированы автором на изображение конца света в «Апокалипсисе», поскольку, по его мысли, дисгармония современной цивилизации приобрела такие размеры, что сегодня это может обернуться гибелью человечества. По силе трагического видения гибели мира произведение сопоставимо с романом ненецкой писательницы А. Неркаги «Молчащий», который критики называют Апокалипсисом современности. В нем речь идет об абсурдности мира, в котором «грех разъединения» превратил людей в Скопище. В хаосе–кошмаре жизни Ю. Шесталов стремится отыскать стержень, который объединит людей и возвратит миру порядок. Такую опору он видит в космическом сознании, «космической» философии, глубинный смысл которых – в духовном единении народов при сохранении «своего лица и своего языка». Здесь видим почти абсолютное совпадение позиции Ю. Шесталова с идеей Верховного шамана вогулов у А. Иванова об «изначальном порядке вещей», который выше всех верований и религий. Более того, писатель здесь сам становится своего рода шаманом: с 90-х годов «религиозно-синкретическое неошаманство станет для писателя не предметом изображения .., а предметом проповеди» [1, с. 435].

Обращение к религиозным основам характерно и для русских писателей Югры. Симптоматичным для этого пласта литературы является книга прозы С.

Козлова, названная по рассказу, напрямую связанному с православной тематикой и символикой, – «Ночь перед вечностью». Все рассказы сборника объединены христианской идеей: православие становится спасением от хаоса и жестокости жизни, источником духовного очищения. Центральный рассказ – «Ночь перед вечностью» – попытка автора создать своего рода современную мифологию. Православного священника расстреливают семь раз, пули проходят мимо (отец Вениамин неуязвим для пуль, как икона Богоматери у Е. Айпина, как Христос у А. Блока – «от пули невредим»). Погибает он только после того, как сам просит Бога прекратить мучения расстреливающих его бойцов (о чем умоляет один из них). Священник не боится смерти, поскольку умирает с именем Бога на устах: «С именем Господа ничего не бойся». Здесь налицо откровенная публицистическая заостренность авторской позиции. Довольно прямолинейна и символика рассказа: красноармейцы – это овцы заблудшие, не ведающие что творят; отец Вениамин – это воплощение христианской идеи абсолютной Любви. Весьма символично и то, что расстреливавший священника бывший красноармеец Анисимов становится (в будущем) иеромонахом Вениамином. Публицистичность стиля и попытка создания новой мифологии объяснимы убежденностью автора в необходимости возрождения духовных основ – и в первую очередь, через позитивную переоценку православия.

Подводя краткий итог сделанным наблюдениям, подчеркнем, что в последние два десятилетия в региональной литературе все больше внимания уделяется вопросу осмысления роли православия и русской церкви в духовном пространстве России. Этнические писатели все активнее связывают христианские ценности с основами традиционной культуры и мирозерцания. В произведениях большинства русскоязычных этнических писателей сегодня нет негативного отношения к христианской религии. Более того, они фиксируют слияние двух систем представлений о мире в единое целое, отражая смену культурных парадигм в современном сознании этносов.

Список используемых источников:

1. Динисламова С.С., Надь Каталин, Чепкасов Е.В. Юван Шесталов: Исследования феномена. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. 469 с.
2. Ионин Г. Новый Шесталов. Юван Шесталов. Избранное. М.: Советский писатель, 2007. С. 3-16.
3. Роговер Е., Нестерова С. Творчество Еремея Айпина. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 140 с.
4. Ребель Г.М. «Пермское колдовство», или роман о парме Алексея Иванова.
URL: <http://arkada-ivanov.ru>
5. Феномен этнического и глобализация культуры народов Поволжья и Приуралья. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2004. 196 с.
6. Я вижу мир иным: О творчестве писателей и поэтов Ханты-Мансийского округа. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2001. 124 с.